

Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I

Автор: Т. Л. Лабутина

Лабутина Татьяна Леонидовна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Современные СМИ нередко сообщают о различных дипломатических конфликтах, как в нашей стране, так и за рубежом, причиной которых становится несовместимая с дипломатией разведывательная деятельность. Как правило, уличенных в сборе разведанных дипломатов высылают из страны пребывания. Государство же, их направлявшее, принимает ответные шаги, завершающиеся аналогичными мерами. Между тем, мало кого удивляет, что дипломаты на самом деле занимаются разведкой. По-видимому, сбор разведанных сделался нормой деятельности дипломатических сотрудников на протяжении всего периода новейшей истории. А как дело обстояло в прежние времена, к примеру, в эпоху правления Петра I?

"Вы возможно искусно и с возможно меньшей оглаской постараетесь добыть сведения о планах и намерениях русского двора, узнать какие сношения поддерживаются царем, каковы его финансы, его военные силы, и вообще все, способное интересовать нас или иметь влияние на наши дела". По возвращении вам следует сообщить "обо всем, происходившем при царском дворе за время вашего пребывания при нем о способностях и склонностях царских министров, их стремлениях, об их отношениях между собой, их разногласиях, об их расположении к иноземным государям и странам, обо всех наблюдениях,.. способных дать нам обстоятельную картину характера царского правительства и его настоящего положения"¹. Так инструктировала королева Великобритании Анна Стюарт своего посланника Чарльза Уитворта, направляя его ко двору Петра I осенью 1704 года. В какой мере верноподданный английской королевы исполнил столь щекотливое поручение? Какие функции в действительности выполнял посланник, прибыв в Россию: дипломата или разведчика?

Скупые биографические сведения сообщают, что лорд Чарльз Уитворт, или Витворт (1675 - 1725) родился в графстве Старфордшире. Являлся воспитанником видного английского дипломата и поэта Дж. Степни, с которым побывал при нескольких германских дворах. Вскоре Чарльз сделался, по отзывам своего наставника, "глубоким знатоком британской политики времен

стр. 124

королевы Анны". В 1702 г. Уитворт был назначен резидентом в Регенсбург, а 2 сентября 1704 г. - чрезвычайным посланником в Москву. При дворе Петра I Уитворт находился на протяжении пяти лет, с 28 февраля 1705 г. до 24 марта 1710 года. Последнее назначение при царском дворе он получил в 1712 году. За время своего пребывания в России Уитворт направлял подробные донесения в Лондон, текст которых сохранился в нескольких томах Сборника Русского исторического общества. В 1710 г. он также написал небольшое произведение "Россия в начале XVIII века". Данные труды и послужили исходным материалом при исследовании миссии британского дипломата в петровской России. Заметим, что серьезного изучения указанной проблемы в исторической науке ранее не предпринималось. Отдельные сведения о деятельности Уитворта встречаются в статье С. И. Кедрова (1906 г.), монографии Л. А. Никифорова (1950 г.),

комментариях к сочинению Уитворта Н. Г. Беспятых (1988 г.)².

Итак, прибыв в Россию и обустроившись в Москве, британский посланник приступил к исполнению своих непосредственных обязанностей. В чем же они заключались? Донесения Уитворта позволяют разделить его деятельность на две сферы. Первая - официальная - касалась различных мероприятий, которые надлежало исполнять всякому дипломату: бывать на приеме у царя, встречаться с его придворными, участвовать в приемах и дипломатических раутах, заниматься урегулированием спорных вопросов, возникающих у британских подданных, находящихся на государственной службе, либо занимавшихся торговлей в России и т. д. Вторая, неофициальная деятельность Уитворта с полным основанием может быть охарактеризована как разведывательная. Остановимся на каждой из сфер деятельности британского посланника.

Торговля Великобритании с Россией при Петре I занимала важнейшее место в экономических отношениях двух стран. Ее объем с 1697 по 1704 г. увеличился в 3,5 раза. Вывоз товаров из России за этот период возрос с 64,2 ф. ст. до 223,5 фунтов. Ежегодно в Архангельск прибывало около ста иностранных торговых кораблей, половина которых принадлежала англичанам³. Неудивительно, что британское правительство поручило Уитворту сделать все возможное, чтобы убедить Петра I заключить "более тесный дружественный союз в виду обоюдных промышленных и торговых выгод", ради пользы британских подданных, чтобы англичане могли свободно покупать и вывозить всякого рода произведения, произрастающие или выработанные в царских владениях, особенно смолу, деготь и прочие предметы, необходимые для процветания корабельного дела в королевстве. Кроме того, посланника обязали оказывать "покровительство и благорасположение" всем британским подданным, торгующим во владениях царя, оказывая им всяческое содействие при разрешении возникающих тяжб или каких-либо осложнений. Уитворт это поручение выполнял исправно. В донесении государственному секретарю Р. Харли 21 марта 1705 г. он сообщал: "Я особенно убеждал графа Головина домогаться разрешения всем англичанам свободно вывозить смолу и деготь, стараясь указать, какие выгоды царь и его подданные могут извлечь, если торговля этими продуктами станет общедоступною". И далее заключал: "...полагаю, что летом Ее Величеству будет очень выгодно снабдить флот смолою и дегтем через Петербург по весьма низкой цене"⁴. Между тем, чрезвычайно выгодная для британцев торговля в России осложнялась отсутствием официального торгового договора между странами. Английский агент Чарльз Гутфель рассказывал посланнику, что проживающие в России англичане "будут очень рады договору, так как до сих пор ведут торговлю только в силу простого царского разрешения, не имея никаких офи-

стр. 125

циальных данных, на которые бы их льготы и привилегии могли опираться". Быть может, высказывал предположение агент, царь и не считает себя особенно обязанным соблюдать условие, заключенное только с частными людьми. Уитворт согласился с его мнением и в одном из донесений государственному секретарю высказал пожелание, чтобы английское правительство сделало "важный шаг к успеху своих домогательств при русском дворе, каковы бы они ни были"⁵ с тем, чтобы заключить торговый договор, который бы отвечал интересам, прежде всего, британской стороны.

Серьезное осложнение у британцев возникло с табачной кампанией, и Уитворт оказался в самой гуще конфликта. Напомним, что монопольное право на ввоз, производство и торговлю табаком в России англичане получили от Петра I в 1698 г., когда царь находился с визитом в Англии. Прежде курение табака в нашей стране расценивалось как дело "нечистое" и запрещалось Патриархом под страхом смертной казни. И вот британцы развернули активную деятельность по

продаже табака в России. Однако не все шло гладко. Королева Анна в инструкции Уитворту отмечала: "Подданные наши заключили с министрами царя, в бытность его здесь, контракт об исключительном праве ввоза в его владения табаку наших американских плантаций, но терпят значительные убытки оттого, что не все статьи контракта выполняются удовлетворительно; потому они обратились к вам с просьбою благосклонно заступиться за их интересы". Изучив историю вопроса на месте, Уитворт в донесении Харли 14 марта 1705 г. сообщал о том, что причиной затруднений табачной кампании является желание царя "взять всю табачную торговлю в собственные руки"⁶. С этой целью Петр обратился к двум агентам Московской компании Мартину и Спильману, которые пообещали "призвать из Англии лиц, умеющих сушить, резать и свертывать табак, чтобы с их помощью москвитяне получили возможность в короткое время научиться обработке табака, растущего на Кавказе, который потом и введется в употребление". Естественно, констатировал Уитворт, подобные действия отзовутся "очень грустными последствиями на той статье нашей торговли, которая почти одна только и может представить выгоду в этих краях". Опасения лишиться монополии на выгодную табачную торговлю в России побудили королеву созвать Тайный совет, который констатировал: "...подданные царя могут быть посвящены в тайны табачного дела наравне с подданными Вашего Величества, промышленными выделкою табака, что отзовется крайне вредными последствиями на торговле подданных Вашего Величества и на процветании ваших плантаций". В качестве необходимой меры Тайный совет постановил: "...лица, вызванные в Москву, ...должны быть немедленно призваны обратно, ...машины и материалы, уже находящиеся в этой стране, сломаны и уничтожены". Получив соответствующие инструкции от государственного секретаря, Уитворт немедленно приступил к действиям. О том, как он справился с поручением королевы, посланник извещал Харли 18 июля 1705 года. Прежде всего он добился отправки мастеров, занятых в табачном производстве, на родину. Затем, распустив русских рабочих, "как бы только на время", Уитворт в сопровождении своего секретаря Пэрсона и четырех слуг явился в мастерскую, где компания большую часть ночи провела "в разрушении материалов и инструментов". Причем, посланник принимал в акции самое активное участие. "Сломал я большой крутильный станок, - отчитывался Уитворт, - около 60 катушек для свертывания, три машины, вполне установленные для крошки табака; с двух других снял планки и рычаги, несколько больших машин для прессирования табаку разнесено вдребезги, винты их испорчены, деревянные части поломаны, медная обшивка содрана, около 20 прекрасных сит изрезано в куски, - короче, ни одна вещь не оставлена в

стр. 126

целости". По-видимому, подобного разгрома мастерской оказалось Уитворту недостаточно. Во всяком случае, на следующий день он отправил продолжить начатое своих слуг, которые сожгли все деревянные обломки, а кузнец, захватив железные и медные остатки машин, трудился на дому у посланника. "Таким образом, - констатировал Уитворт, - я в точности выполнил поручение, которым Ее Величеству угодно было удостоить меня; искренне желаю, чтобы этим путем достигнута была предположенная цель - помешать обработке кавказского табаку и отбить у купцов охоту впредь секретно вывозить из Англии подобные материалы и машины с целью заслужить милость царя и сделать выгодное дело"⁷.

Одно из поручений дипломата касалось урегулирования инцидента, происшедшего с русским посланником А. А. Матвеевым в Лондоне. Направленный царем в Англию с целью склонить британское правительство к посредничеству в переговорах России со Швецией, Матвеев 24 июля 1707 г., проезжая по улице в карете, подвергся нападению троих неизвестных, которые "со свирепым и зверообразным озлоблением", отняв шпагу и трость, принялись его избивать. Когда же на крики Матвеева сбежались лондонцы, нападавшие заявили, что действуют по приказу шерифа, который велел указанного господина арестовать за неуплату долга в 50 фунтов. Русский

посланник был отправлен в долговую тюрьму, откуда под поручительство его вызволил брат, хорошо известного царю купца Стайлса. Иностранцы, аккредитованные в Лондоне, возмущались подобным происшествием и обещали Матвееву свою поддержку. Государственный секретарь Бойль расценил данное происшествие как "вопиющую дерзость, способную наделать много шума". "Случай этот так необычен, что я опасаюсь, как бы он не навлек серьезных бед и затруднений и вам, и прочим английским подданным, проживающим в царских владениях, - предостерегал он Уитворта. - Потому вам придется употребить все старания с целью рассеять грозу горячими уверениями в дружеском расположении королевы и в ее уважении к царю... Короче - не жалеете ни усилий, ни расходов, ничего по вашему мнению способного предотвратить худые последствия несчастного случая для подданных ее величества и дел их"⁸. Уитворт, высказав сожаление по поводу неприятного происшествия с Матвеевым, заверил государственного секретаря, что инцидент с посланником будет быстро забыт. "Я надеюсь, - писал он, - что происшествие это не повлечет за собой никаких печальных последствий, особенно если русские вспомнят, сколько я здесь перенес неприятностей совершенно незаслуженных, и как я был мало требователен в своих притязаниях на удовлетворение. Короче - к вопросам чести здесь относятся не очень строго и царский гнев будет незначителен... Во всяком случае надеюсь устроить дело укорами с своей стороны, не вызывая в русском правительстве сознания нанесенного оскорбления обнаружением собственного смущения и собственных опасений; иначе, мало понимая дела подобного рода, здешний двор может заразиться европейскими воззрениями и заявить претензии со своей стороны"⁹. Однако британский посланник ошибся в своих прогнозах: дело Матвеева растянулось почти на два года. Петр I потребовал ни много, ни мало, как казни обидчиков русского посла. Англичане, ссылаясь на Конституцию, отклоняли его требование. Уитворт советовал своему правительству не идти на уступки, полагая, что излишняя готовность дать удовлетворение может вызвать лишние притязания со стороны русского правительства. Кроме того, он считал уместным "выговорить что-нибудь в пользу Англии прямым договором, не полагаясь на благодарность со стороны русского двора; например, чтобы всем подданным ее величества, имевшим дела в России, особенно табачной компании, ..оказана была справедливая поддержка"¹⁰. Как бы то

ни было, но англичане, явно под влиянием победы русских над шведами под Полтавой, были вынуждены пойти на компромисс. И хотя виновные в нападении на Матвеева не были казнены, как того требовал царь, тем не менее, они подверглись справедливому наказанию.

По случаю завершения инцидента с Матвеевым в Москве в феврале 1710 г. прошла торжественная церемония с участием посланников, а также английских купцов и офицеров, состоящих на царской службе. "Шествие продолжалось почти полтора часа, улицы были переполнены народом, - свидетельствовал Уитворт. - Когда я подъехал к дворцу, караул встретил меня с барабанным боем, и с распущенными знаменами; офицеры стояли впереди с обнаженными саблями и отдавали мне честь... Его Величество стоял на троне с открытой головой. Подойдя к нему, я произнес речь". Государь ответил, что конечно, мог ожидать, что "лица, нарушившие законы международного права по отношению к послу его, будут наказаны согласно его желанию, но, коль скоро это невозможно за неполнотой нашей Конституции, Государь, принимая на вид внимание нации, выраженное в парламентском акте, а также честь, оказанную ему ее величеством, королевой, настоящим посольством, согласен принять предлагаемое удовлетворение и прикажет своим министрам обсудить остальные статьи в особом совещании". Далее посланник добавлял, что царские министры повторили уверения Его Величества в особом уважении и дружественном расположении к королеве, "совершенно забыв об оскорблении посла". Они только выразили надежду, что Матвееву дано будет какое-либо

частное вознаграждение за понесенные им убытки и за обиду. Уитворт отвечал, что это будет зависеть от щедрости королевы, на которую послу жаловаться не придется¹¹. На этом инцидент с русским посланником завершился, как заключал Уитворт, "к удовлетворению обеих сторон".

Одной из функций посланника являлось участие в официальных переговорах между государствами. Поскольку в ту пору полным ходом шла война между Россией и Швецией, Уитворт не мог остаться в стороне от происходивших событий. В 1705 - 1706 гг. Петр I неоднократно высказывался о необходимости заключения мира, поскольку, как утверждал британский посланник, России "не хватает ни людей, ни денег, подданные царя подавлены налогами и поголовно недовольны"¹². Большие надежды царь возлагал на посредничество в переговорах со Швецией на Великобританию. Между тем, Англия, которая в то время участвовала в войне за Испанское наследство (1702 - 1714), не была заинтересована в "замирении" сторон, а потому предпочитала выжидать, и тянула с ответом. В то же время британское правительство стремилось не допустить к переговорам в качестве посредника какую-либо другую страну. Харли в инструкции Уитворту 7 декабря 1705 г. писал: "...ради чести и выгод королевы нежелательно допускать посредничество между воюющими сторонами помимо участия Ее Величества". Чем же объяснялось нежелание британцев способствовать достижению мира между воюющими государствами? Ответ на данный вопрос дает в одном из своих донесений Уитворт. "Если... интересы Англии требуют удаления русских от Балтийского моря, необходимо обдумать, каким путем удобнее и благовиднее достигнуть такого результата. ...Позволю себе прибавить, что при всяком последующем мирном договоре на севере, Англии и Голландии необходимо озаботиться, как бы Полоцк, Витебск на Двине, а также Орша, Шклов, Могилев... не достались шведам или русским, так как эти государства могли бы захватить в свои руки всю торговлю пенькою...". Примечательно, что британский посланник допускал даже такую возможность, как возвращение Швеции Петербурга с тем, чтобы устроить в этом городе некое подобие свободной

стр. 128

зоны для торговли "с уплатой небольшой пошлины в знак признания шведского правительства". И все это ради того, чтобы легче и дешевле было "добывать припасы для кораблестроения" - смолу, деготь, пеньку, мачтовый лес, поскольку Англия за последнее время "немало пострадала оттого, что лучший кораблестроительный материал находится в распоряжении одного монарха", сетовал посланник¹³.

Между тем, Петр не терял надежды заключить с Англией "великую альянцию", которая Уитворту представлялась "неудобной затеей, невыгодной и невыполнимой при настоящих обстоятельствах". Тем не менее, англичане не желали, чтобы называлось выходить из игры. Когда же русские одержали победу под Полтавой, британское правительство заметно активизировало свою деятельность, пытаясь взять под контроль отношения между враждующими сторонами. В разговоре с министрами Головиным и Шафировым, состоявшемся в конце декабря 1709 г., Уитворт, "как бы по собственному почину, предложил посредничество Ее Величества и Генеральных Штатов, изъявляя готовность, из желания оказать особенную услугу Государю, употребить все старания с целью уладить это посредничество, и выражая надежду, что при настоящих обстоятельствах старания эти увенчаются успехом"¹⁴. Англичане ни под каким видом не желали упускать дело переговоров из своих рук. Уитворт в донесении государственному секретарю от 12 января 1710 г. высказывал свою озабоченность намерениями взять посредничество в заключении мирных переговоров России и Швеции со стороны Пруссии. В свою очередь, британское правительство продолжало занимать выжидательную позицию. В конце октября 1711 г. государственный секретарь Сент-Джон (лорд Болингброк) высказывал

следующие соображения: "Замыслы северных союзников непрерывно возрастают, и хотя еще нельзя подробно определить последствий и неудобств этих замыслов, уже теперь несомненно, что они весьма опасны и особенно повредят нам, если нарушат ход нашей войны с Францией (за Испанское наследство. - *Т. Л.*). Хотя в меньшей степени, но тоже неблагоприятны будут для нас успехи союзников, если им удастся значительно унизить Швецию, следовательно, нарушить европейское равновесие на севере. Соображая настоящее положение наших собственных дел, полагаю, впрочем, что нам не остается ничего лучшего, как тянуть переговоры с северными монархами". Спустя месяц Болингброк подтвердил официальную позицию Уайтхолла: "...я ожидаю скорейшего осуществления мира (Утрехтского. - *Т. Л.*). ...Когда же настанет удобное время, когда руки наши будут развязаны и головы свободны от главной заботы, тогда королева в состоянии будет передать вам указание, как далеко, по ее мнению, возможно допустить северных союзников и где они должны остановиться"¹⁵. Как видно, Англия, не желая непосредственно участвовать в улаживании конфликта между северными государствами, стремилась не упустить своего шанса, надеялась извлечь выгоду из создавшегося положения.

Официальная, дипломатическая деятельность Уитворта дополнялась другой, скрытой, разведывательной работой. Донесения британского посланника изобилуют многочисленными сведениями о состоянии и численности русской армии. Уже в первом своем донесении от 10 февраля 1705 г. Харли, едва вступив на российскую землю и еще не доехав до Москвы, Уитворт сообщал: "...полк, который при мне вступал в город, ...шел в отличном порядке: офицеры все были в немецком платье, а рядовые - хорошо вооружены мушкетами, шпагами и штыками, но одеты в платье русского покроя из какой-то холщевой материи. Они легко переносят всякого рода лишения, привыкли к холоду и голоду - два свойства, необходимые для солдата... Потрудитесь заметить, что в прилагаемом списке упомянуты только пехот-

стр. 129

ные и драгунские полки. Мне говорили, что у царя нет регулярной кавалерии... Это все, что я мог разведать покуда, но, приехав в Москву, постараюсь прислать вам более точные сведения о боевых силах, которыми располагает царь"¹⁶. В трактате "Россия в начале XVIII века" Уитворт подробнейшим образом повествовал о местоположении и численности вооруженных подразделений царя в Смоленске, Архангельске, Воронеже, Азове, Таганроге, Астрахани, Казани, а также в Польше, Литве, Ливонии и Ингрии. Сообщал сведения об укомплектованности полков, обращая внимание на недостаток офицерского состава, упоминал о жаловании и обмундировании воинов. Мимо пристального взгляда разведчика не прошло незамеченным хорошее состояние царской артиллерии. "Артиллерия очень хорошо обеспечена, - свидетельствовал Уитворт. - В 1708 г. в одной только Москве была тысяча орудий, от 1- до 60-фунтовых; арсеналы Пскова, Смоленска и Киева были заполнены соразмерно. Помимо полевой артиллерии, каждый батальон имеет две длинные 3-фунтовых бронзовых пушки. Мортиры отлиты из меди или из сибирского железа: они имеются всех калибров... Порох делают в Москве сильный и хороший". Посол обратил внимание и на недостатки вооруженных сил: большая часть царских полков "довольно посредственно снабжена амуницией и огнестрельным оружием", в офицерах, особенно в генералах "чувствуется большой недостаток", мушкеты и пистолеты русского производства "очень неудовлетворительны", кавалерия "в очень плохом состоянии". Оказавшись в Гродно в середине декабря 1705 г., Уитворт тотчас направил государственному секретарю список московских войск, стоявших на зимних квартирах, "с полным означением их расположения". Он также проинформировал Харли о том, что "в царской армии недостает 9000 рекрут для пехоты и 6000 для кавалерии. Еще 10 батальонов и 7 кавалерийских полков занято в Курляндии, так что все царские силы, размещенные здесь, ...едва достигают 27 тыс. человек". А далее посланник добавлял, что в Москве уже набраны рекруты, а потому месяца через два полки

пополнятся и король шведский "встретит гораздо более сопротивления, чем ожидает"¹⁷.

Со временем численность царской армии возросла, улучшилось ее вооружение. Подобные изменения не прошли незамеченными британским посланником. Осенью 1708 г. Уитворт, анализируя состояние шведской и русской армий, сообщал государственному секретарю: "На стороне царя... немало преимуществ: многочисленная армия, которая, как вы увидите из прилагаемого списка, также полна, как и прошлого весной... В ней... около 80 тыс. человек, хотя она крайне ослаблена дезертирством, стычками, болезнями и недостатком заботы о ней. В Москве есть еще около 10 тыс. человек новобранцев... Царь в состоянии будет вывести против шведов еще более 10 тыс. человек. Армия его составлена из здоровых, статных, хорошо обученных молодых людей и очень изменилась со времени последней кампании в Польше; многие полки будут, несомненно, драться хорошо, когда придется"¹⁸.

Для лучшего ознакомления с состоянием русской армии Уитворт предпринимал неоднократные попытки попасть в расположение войск. Когда же царь отказался "видеть иностранных уполномоченных в своем лагере", посланник через государственного секретаря ходатайствовал перед королевой, чтобы она добила его перемещения в Смоленск или другой пограничный город, "поближе к армии для большего удобства в получении известий и для того, чтобы ближе стоять к делам, если что затеется"¹⁹.

Не забыл британский посланник осветить и состояние царского флота. Он признавал, что в Архангельске морской транспорт находится "в очень хорошем состоянии, там же стоят 16-пушечный фрегат и другой - 20-пу-

стр. 130

шечный", в Казани около сорока от 8- до 14-пушечных фрегатов. Завершена постройка кораблей на Дону, вооруженных 50 - 80 пушками. Флот в Петербурге состоит из 12 фрегатов, 8 галер, 6 брандеров и двух бомбардирских кораблей, не считая малых судов. Строятся суда голландцами и англичанами. Уитворт прилагал список иностранных мастеров, скрупулезно подсчитывая выплачиваемое им жалованье.

Мало-помалу российский флот разрастался, увеличивались в численности и размерах корабли. Причем делалось это при прямом содействии самих англичан: мастеров-кораблестроителей, морских офицеров и матросов. Одержанные победы русских в войне со шведами, усиление позиций России на севере Европы не могли не беспокоить англичан. И вскоре британское правительство издало указ об отзыве английских мастеров с царской службы. Однако это уже не могло повлиять на состояние царского флота: он твердо стоял на ногах. Летом 1705 г. Уитворт, посылая отчет о российском флоте, извещал государственного секретаря о том, что "царь при постройке кораблей, которые сооружаются под его руководством, допускает к работе только русских, но они, работая в одних доках с англичанами, на каждом шагу сравниваются с английскими образцами"²⁰.

Собирая разведанные о состоянии вооруженных сил России, британский посланник составлял свои донесения таким образом, чтобы обратить внимание на их слабые стороны, по-видимому, надеясь, что эта информация дойдет до их противника - шведов. Так, в донесении от 13 июля 1705 г. Уитворт сообщал Харли: "Русская армия, о которой я... сообщал вам самые обстоятельные сведения, состоит приблизительно из 40 тыс. человек регулярных войск, из 50 тыс. казаков, из неопределенного числа поляков и литовцев и пятитысячного отряда саксонской

конницы... В случае, если существующая русская армия будет расстроена, трудно сказать, откуда царь возьмет другую на ее место... Между тем, граница прикрывается от неприятеля только Смоленском... В особенности, однако, следует опасаться, как бы, при первой неудаче, здесь не вспыхнуло серьезного мятежа со стороны дворян, раздраженных против любимца царского (А. Меншикова. - *Т. Л.*), или духовенства, недовольного уменьшением своих доходов... или самого народа". Отправляя донесение, посланник предупреждал адресата: "Вы легко поймете, что письмо это следует хранить в большой тайне"²¹. Летом 1706 г. Уитворт сообщал государственному секретарю о том, что "русские линии слишком растянуты, а потому не могут быть хорошо охранены: большая часть войска состоит из новичков, офицеры неопытны; особенно чувствуется... недостаток в генералах". Наконец осенью 1708 г. он совершенно откровенно подсказывал шведам, как следует одолеть русских. "Произвести самую влиятельную диверсию и действительно встревожить царя может только нападение шведов на Ингрию, - писал Уитворт, - потому что этою местностью, и особенно своим любимцем - Петербургом, царь дорожит более, чем какую бы то ни было частью своего государства. Прилагаю отдельный список полков, защищающих эту область, но они в данное время едва находятся в половинном составе и наполнены преимущественно новобранцами; да и для помощи им войска под рукой не имеется. Решись только шведы на энергическую атаку и перейди они Неву с своей маленькой армией, - царские кораблестроительные запасы, его дворцы, дома его бояр, расположенные вне крепости, будут находиться в большой опасности; да и сама крепость не в состоянии сопротивляться правильной осаде... Флот, список которого я тоже прилагаю, расположен в тридцати верстах между Кроншлотом и островом Ричарда, и защищается главным образом батареями с этого острова... Некто Броун, англичанин, отправлен в Лодейное Поле

стр. 131

для постройки двух пятидесятипушечных кораблей, а другой англичанин Бениг, получил приказание заложить два сорокопушечных корабля в Олонце (оба города на Ладожском озере). Но в случае успешного вторжения шведов, заготовленный лес и прочий материал может быть уничтожен"²². Историк Л. А. Никифоров затруднялся сказать, были ли эти сведения переданы шведам, однако признавал, что "шведы не раз предпринимали атаки в наиболее слабых пунктах русской обороны"²³. Не исключено, что в этом им помогала информация Уитворта.

Каким образом секретная информация попадала в руки британского посланника? Прежде всего, он сам лично старался бывать в расположении русской армии или флота. Но не только. Сведения об армии поставляли иностранные офицеры, состоявшие на царской службе. Один из них, выехав из Смоленска в мае 1708 г., рассказывал Уитворту о русских войсках: "люди здоровы, хорошо обучены... полки укомплектованы и желают боя; но у пехоты - ружья плохи, у кавалерии - плохи лошади, и на всю армию нет трех способных генералов, так что в случае сражения следует ожидать горячей атаки и плохого исхода"²⁴. Уитворт устанавливал связи не только с британскими офицерами и генералами. Порой это были представители других держав. К примеру, секретными сведениями о русской армии и военных планах России снабжал Уитворта фельдмаршал Огильви²⁵. Нередко информацию с полей сражений британский посланник получал, как он сам признавался, от шпионов, пленных и дезертиров. Но, пожалуй, наиболее ценным источником информации для Уитворта становилось ближайшее окружение царя, его министры. Британский посланник нередко приглашал к себе придворных "отобедать". Среди приглашенных бывали князь Меншиков, граф Головин, Шафиров, которые проводили у посланника "большую часть дня с полным удовольствием". Глава посольской канцелярии, генерал-адмирал флота Ф. А. Головин, по оценкам Уитворта, считался "самым честным и самым смышленным человеком по всей России и всегда являлся другом Англии". Он немало сделал, поддерживая англичан в решении спорных вопросов в части торговли. Когда Головин скончался, Уитворт искренне сожалел о потере, утверждая, что англичане, прежде всего, потеряли в лице

этого человека "сильного покровителя"²⁶.

Тайный секретарь царя Шафиров, которого Уитворт считал человеком "наиболее разумным и наиболее преданным общему благу" из всех особ московского двора, оказывал британскому посланнику более деликатные поручения. В донесении Харли 24 декабря 1706 г. Уитворт сообщал: "Сегодня поутру Шафиров навестил меня и познакомил со всеми подробностями мирного договора, с которого у него есть и копия"²⁷. В сентябре 1708 г. Уитворт передавал государственному секретарю информацию о битве русских со шведами 30 августа, опираясь исключительно на письма Шафинова. Последний информировал посланника о действиях Мазепы, "казаки которого один за другим, возвращаются по домам; на прошлой неделе, например, один полковник возвратился с пятьюстами конницы, служившей охраной гвардией гетмана, при котором... остался только один полк из 300 человек, не более, и те только ждут случая убежать. Говорят, будто, видя это, шведы содержат Мазепу и его приверженцев под строгим присмотром, и даже в спальне гетмана поставили стражу"²⁸. Становится понятным, почему Уитворт пожелал вознаградить столь ценного информатора. В частном письме к государственному секретарю Бойлю от 22 сентября 1708 г. Уитворт писал: "Если Шафиров сердечно отнесется к делу и окажет мне поддержку (речь шла об улаживании инцидента с Матвеевым. - *Т. Л.*), я, может быть, воспользуюсь вашим позволением и предложу ему подарок в триста или четыреста фунтов, в на-

стр. 132

дежде, что ее величество не сочтет такой расход чрезвычайным, так как Шафиров небезучастен к своим выгодам, пользуется большим расположением царя и всегда может быть нам полезен"²⁹. Вскоре Уитворт предложил Шафинову 400 фунтов. Поначалу тот отказался, но посол предпринял еще одну попытку и все-таки уговорил Шафинова принять подарок. Уитворт рассказывал, что, получив деньги, царский чиновник выразил глубокую признательность Ее Величеству, уверяя "в готовности и впредь служить ей"³⁰.

Не обошел своим вниманием британский посланник и ближайшего фаворита царя Меншикова. 20 апреля 1709 г. Уитворт сообщал государственному секретарю: "Два дня тому назад я получил очень любезное письмо от князя Меншикова, ...которым он рекомендует мне родственника своего Василия Арсеньева, отправляемого в Великобританию для изучения мореплавания, и просит, не достану ли я Арсеньеву паспорт от Ее Величества... Если вам угодно будет исполнить это желание князя, можете прислать паспорт с каким-нибудь судном в Архангельск... куда же воспользуюсь случаем, чтобы удостовериться, насколько князь изъявит готовность употребить свое влияние по вопросам об удовлетворении в деле посла и о пропуске кораблестроительных материалов"³¹. И далее Уитворт прилагал сведения о русском лагере, которые получил от Меншикова.

Непростой задачей для разведчика являлась передача добытых секретных сведений в Лондон. Поскольку Уитворт опасался, что его письма будут перехвачены в пути, он чаще всего прибегал к условленному шифру³². Большую неприятность доставляла разведчику плохая работы почты. "Почта так дурно организована, что довериться ей решительно невозможно, хотя происходит это единственно от нерадения, - сетовал англичанин. - Жить здесь, не получая никаких известий из Англии... знать, что многие письма, написанные мною отсюда, пропадают, сомневаться в доставке остальных, и притом платить такую дорогую цену за отправку - невыносимо". В послании государственному секретарю 22 сентября 1708 г. Уитворт сообщал: "...Я слышал, будто дня два тому назад иностранная почта получена в посольской канцелярии, причем почтальон оказался пьяным, сумка раскрытою, многие письма разорванными, другие -

утраченными..."³³. Однако несмотря на многие трудности, встречавшиеся на пути разведчика, со своей работой он справлялся исправно. И вот уже русское правительство, заподозрив, по-видимому, неладное, начинает чинить препятствия посланнику и отказывает в просьбах допустить его в расположение войск. Так, в одном из донесений государственному секретарю 8 декабря 1708 г. Уитворт докладывал: "Предложение мое о поездке в армию отклонено, частью ввиду ее постоянных передвижений, а частью под предлогом несчастной размолвки с Англией... собственно же из желания, чтобы я не увидел слишком близко расстройств дел в русской армии. Это ясно из того, что на все торжества меня приглашают наравне с другими уполномоченными иностранных государств, при тостах же ее величеству всегда отдается должное предпочтение перед прочими коронованными особами"³⁴.

Между тем, даже если русское правительство и догадывалось о двойной деятельности Уитворта, оно вида не показывало. Более того, на прощальной аудиенции в октябре 1712 г. царь "милостиво высказал свое удовольствие" по поводу поведения британского посланника за время пребывания при русском дворе, а также подарил ему свой портрет, "осыпанный бриллиантами и два кошелька с долларами", оцененные Уитвортом в семьсот фунтов³⁵. На этом деятельность британского посланника и разведчика Чарльза Уитворта в России завершилась.

Весной 1714 г. в нашу страну прибыл новый резидент Великобритании эсквайр Георг Мэкензи. В инструкции королева Анна давала ему следующие

стр. 133

указания: "Получив эти... документы, Вы с возможною поспешностью отправитесь в Москву или в иное место, в котором, по собранным Вами сведениям, будет находиться царь; и затем, в случае переезда царя, можете следовать за ним, если сочтете нужным в видах нашей службы... Вы частным образом имеете всеми доступными путями осведомляться о действительных намерениях царя касательно мира; об условиях, способных удовлетворить его; о том как он относится к своим союзникам и их притязаниям, и обо всем этом вы будете давать нам от времени до времени возможно полные и безотлагательные отчеты. В виду того, что королевство шведское, которое некогда служило крепким оплотом протестантских интересов, в настоящее время доведено до крайности, представляющей основание опасаться, как бы одна кампания не подчинила его совершенно могуществу царя..., мы не можем видеть окончательного разорения и уничтожения нации, с которой долгое время находились в столь близком союзе и в охранении которой народ наш так глубоко заинтересован. Потому вы имеете право пользоваться всяким случаем, чтобы внушить царю и его министрам насколько нам бы приятно было видеть восстановление дружественных отношений между его царским величеством и королем шведским... Вы с возможною осмотрительностью и без шума постараетесь осведомиться о намерениях и планах русского двора, о сношениях, поддерживаемых царем, о положении его финансов и военных сил, а равно обо всем, что в данную минуту может касаться наших интересов и как-нибудь влиять на ход дел в Великобритании или что вообще имеет международный интерес в настоящих обстоятельствах... По возвращении вашем мы будем ожидать от вас пространного и полного отчета обо всем, что будет происходить при русском дворе за время вашего при нем пребывания: о значении и склонностях царских министров, их интересах, взаимных сношениях, несогласиях, их отношениях к иностранным монархам и к другим государствам, и вообще обо всем, что, по вашим наблюдениям, может содействовать более полным сведениям нашим о характере и положении царского правительства..."³⁶. Как видно, разведывательная деятельность дипломата становилась обычным делом. Не случайно, именно в годы правления Анны Стюарт (1702 - 1714 гг.) писатель и памфлетист, известный просветитель Даниэль Дефо подготовил записку Харли, в которой по сути дела представил

проект создания разведки, а вскоре и сам стал одним из ее агентов.

Таким образом, разведывательная деятельность британцев, осуществлявшаяся со времени правления Ивана Грозного в нашей стране через специалистов (медиков, военных, находящихся на царской службе), постепенно оформилась в профессиональную, которую осуществляли уже дипломаты монархов.

Примечания

1. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. В кн.: Сборник императорского русского исторического общества (СИРИО). Т. 39. СПб. 1884, с. 5 - 7.

2. КЕДРОВ СИ. Русь Петра Великого за границую. Посольство князя Б. И. Куракина в Лондон. 1710 - 1711. - Русский архив. 1906. Кн. 1. Вып. 4, с. 498 - 502; НИКИФОРОВ Л. А. Русско-английские отношения при Петре 1. М. 1950, с. 29 - 43; Россия в начале XVI [I] века. Сочинение Ч. Уитворта. Л. 1988, с. 108 - 111.

3. НИКИФОРОВ Л. А. Ук. соч., с. 27.

4. СИРИО. Т. 39, с. 66 - 68.

5. Там же, с. 41, 100.

6. Там же, с. 2, 51.

стр. 134

7. Там же, с. 51, 106, 138 - 139.

8. Там же. Т. 50. СПб. 1886, с. 33 - 34.

9. Там же, с. 46 - 47.

10. Там же, с. 89, 116.

11. Там же, с. 316 - 320.

12. Там же. Т. 39, с. 217.

13. Там же, с. 198, 223, 224.

14. Там же. Т. 50, с. 294.

15. Там же. Т. 61. СПб. 1888, с. 76, 100.

16. Там же. Т. 39, с. 19.
17. Там же, с. 55, 56, 61 - 65, 125, 203.
18. Там же. Т. 50, с. 63.
19. Там же. Т. 39, с. 405.
20. Россия в начале XVIII века, с. 89 - 97, 100 - 101.
21. СИРИО. Т. 39, с. 125 - 126.
22. Там же, с. 281, 434; Т. 50, с. 65 - 66.
23. НИКИФОРОВ Л. А. Ук. соч., с. 32.
24. СИРИО. Т. 50, с. 11.
25. Там же. Т. 39, с. 131.
26. Там же, с. 124, 300.
27. Там же, с. 345; Т. 50, с. 23, 54, 55, 57.
28. Там же. Т. 50, с. 124.
29. Там же, с. 91.
30. Там же, с. 334.
31. Там же, с. 168.
32. Там же. Т. 39, с. 133, 425.
33. Там же. Т. 50, с. 22 - 23, 86 - 87.
34. Там же, с. 117.
35. Там же. Т. 61, с. 256 - 257.
36. Там же, с. 258 - 262.